

**ВОСТОЧНО-СИБИРСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ
КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ
КАФЕДРА ЭТНОЛОГИИ И ФОЛЬКЛОРА**

ЭТН ОД

15 июля 2000

На правах рукописи

БАРАНКОВА Надежда Викторовна

**КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ
ХУННСКОЙ ТОРЕВТИКИ**

(на материалах музеев Бурятии)

Специальность 24. 00.02. - Историческая культурология

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук**

Улан-Удэ - 2000

Диссертация выполнена на кафедре этнологии и фольклора Восточно-Сибирской государственной Академии культуры и искусств.

Научный руководитель -
доктор исторических наук Т.Д.Скрынникова

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук Н. Н. Крадин
кандидат исторических наук Ц.-Б. Б. Бадмажапов

Ведущая организация - Институт археологии и этнографии СО РАН

Защита состоится 5 июня 2000 г. в 10 часов на заседании диссертационного совета Д 003.26.03 при Институте монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (670047, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой 6).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Бурятского научного центра СО РАН.

Автореферат разослан 28 апреля 2000 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук *Ц.П. Ванчикова* Ванчикова Ц.П.

T4(2)451-51,0

T495.15,0

Актуальность исследования хуннской торевтики определяется недостаточной изученностью мировоззрения хунну, создавших на рубеже III-II вв. до н. э. могущественный союз - имперскую конфедерацию племен, которая объединила многие этносы Центральной и Восточной Азии. Практическое отсутствие оригинальных текстов, краткость описания культуры хунну в исторических сочинениях соседствовавших с ней письменных народов требуют специального обращения к памятникам материальной культуры и их культурно-исторической интерпретации. Анализ семантики хуннской торевтики, т. е. изучение языка культуры как средства выражения смысла, позволяет заметно расширить интерпретативные возможности исследования по выявлению отдельных структурных элементов культурных текстов и механизмов их образования и преобразования. Необходимость изучения хуннской торевтики определяется объективной ценностью этого материала как части культурного наследия народов Центральной Азии, как источника изучения мифологических представлений хунну, а, следовательно, и как источника реконструкции их мировосприятия, понимания мира и самих себя.

Степень разработанности проблемы. Торевтика хунну привлекала внимание ученых с конца прошлого века. Благодаря исследовательской деятельности Ю.Д. Талько-Грынцевича, П.К. Козлова, Г.П. Соновского, А.В. Давыдовой, М.А. Дэвлет, П.Б. Коновалова, С.С. Миняева, А.Д. Цыбиктарова, Н.В. Именохова и других ученых был накоплен, атрибутирован и систематизирован уникальный материал, изучена технология производства и пути распространения хуннских бронз. Однако, несмотря на вековой период изучения, вопросы интерпретации сюжетов, путей их проникновения в культуру хунну оставались открытыми. Таким образом, специального исследования, посвященного месту торевтики в духовной культуре хунну, не предпринималось.

Цели исследования:

1) выявление гомогенности или гетерогенности хуннской торевтики Бурятии и торевтики скифо-сибирского культурно-исторического единства как хронологически предшествующей эпохи;

2) раскрытие семантики сюжетов хуннской торевтики Бурятии.

В соответствии с целями были сформулированы следующие задачи:

■ выявление предметов хуннской торевтики на территории Бурятии;

■ анализ концепций происхождения и развития скифо-сибирского звериного стиля;

■ классификация предметов хуннской торевтики по иконографии;

■ систематизация предметов хуннской торевтики на основе анализа сюжетов;

■ установление аналогий.

Объект и предмет исследования. Исходя из целей исследования, его объектом является хуннская торевтика Бурятии, а предметом - семантика сюжетов торевтики на основе культурологического анализа.

Пространственные рамки исследования ограничены Юго-Западной частью республики Бурятия, где сосредоточены памятники хунну.

Хронологические рамки исследования ограничены временем существования Хуннской державы (конец III в. до н. э. - середина I в. н. э.).

Научная новизна. Диссертация представляет собой первое в отечественной историографии монографическое исследование, посвященное семантическому анализу торевтики народов Хуннской империи, которое может способствовать расширению представлений о духовной культуре этих народов, даст основу для реконструкции мифологических воззрений народов, составлявших империю хунну. Впервые анализируется вся совокупность предметов из бронзы с зооморфными изображениями, которые были найдены на территории Бурятии и отнесены к времени существования империи Хунну. В диссертации сделана попытка наиболее полно представить мировоззренческую основу хуннского общества, основываясь на семантическом анализе хуннской торевтики.

Методология. Методологическую основу диссертации составили базисные понятия и принципы культурологии, где к важнейшим функциональным особенностям культуры относятся системность и ее способность к самообновлению и постоянному порождению новых форм. Продуктивность культурологического подхода заключается не только в понимании культуры как системного единства, но и в понимании процесса культурного творчества как не совпадающего в своих ритмах с фазами исторической эволюции, что позволяет исследователям рассматривать культурное явление в контексте развития мировой культуры.

При семантическом анализе мы постарались учесть теоретические результаты исследований К.Леви-Строса, Э. Дюркгейма, Э. Мосса, М.Элиаде, представителей отечественной школы семиотики - Е.М. Мелетинского, В.В. Иванова, В.Н. Топорова.

Использование методов исторической культурологии (метода научного и сравнительно-исторического анализа, системного подхода, метода интерпретации, типологического, структурно-функционального методов) позволило показать полисемантическую объекту исследования.

Материалы и источники. Источниковую базу исследования составили а) археологические источники - материалы хуннских памятников Бурятии: могильников Дырестуйский курган, Ильмовая падь, Енхор, Баргай, Полканово, Баин-Хара, Шарагол, Иволгинского могильника, поселения Дурены, получивших описание в работах П.Б. Коновалова, М.Я. Дэвлет, А.В. Давыдовой, С.С. Миняева [Коновалов, 1976; Дэвлет, 1980; Давыдова, 1985, 1996; Миняев, 1998] и хранящихся в музее БНЦ СО РАН, Кяхтинском краеведческом музее им. академика В.А. Обручева, музее истории им. М.Н. Хангадова; б) письменные источники по истории и культуре народов Центральной, Передней, Южной и Восточной Азии [Бичурин, 1950; Каталог гор и морей, 1977; Кюннер, 1961; Материалы по истории сюнну, 1968; Сыма Цянь, 1972].

Научная и практическая значимость. Обобщенные результаты исследования могут использоваться для дальнейшей разработки проблем истории и культуры хунну, в работах конкретно-исторического характера, при подготовке учебных пособий для учащихся средней и высшей школы, разработке курсов лекций для студентов вузов по специальностям «культурология», «история», «этнология» и др.

Апробация результатов исследования. Работа обсуждалась на заседании кафедры этнологии и фольклора, основные положения диссертации апробированы в научных докладах (РАСК XXXVI, г. Иркутск, 1996 г.; конференция молодых ученых Бурятии, посвященная 275-летию РАН, г. Улан-Удэ, 1999), публикациях. Материалы диссертации были использованы в подготовке выставки, посвященной 100-летию хунноведения: Музей БНЦ СО РАН (Улан-Удэ, 1996), где автором был подготовлен раздел экспозиции «Духовная культура хунну Забайкалья».

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, библиографии, двух приложений.

Содержание работы

Во Введении обосновывается выбор темы, ее актуальность, степень изученности, формулируются цели и задачи исследования, его новизна и практическая значимость, намечается методический подход.

Важное значение для выработки методологии исследования имели теоретические исследования зарубежных и отечественных ученых в области семиотики. Поскольку с позиций семиотики культуру можно определить как совокупность текстов, в рамках нашего исследования нам интересно было рассмотреть изобразительный сюжет как текст (А) и предмет как текст (Б).

А) Изображения на предметах хуннской торевтики рассматривались нами как выражение картины мира этносов, эти предметы созданных, а выявление их семантики можно было бы сравнить с прочтением текста, записанного определенным кодом. Для решения сложной проблемы интерпретации этих текстов нами был использован подход, предложенный Д.С. Раевским и основанный на общепризнанном принципе соотношения общего, особенного и единичного¹. Где под *единичным* понимаются данные о специфике конкретно исследуемой традиции, под *общим* - черты мифологического моделирования, имеющие распространение и единую по всей ойкумене семантику, под *особенным* - привлечение данных, присущих группе родственных или типологически близких традиций.

Б) При изучении семантики сюжетов нельзя забывать о том, что изображение нанесено на функционально значимую вещь. Правомерность подхода, который подразумевает при реконструкции мировоззрения архаических народов всестороннее изучение вещного мира, в настоящее время не вызывает сомнения. Именно целостность архаической культуры и обусловила наполнение вещи разнообразной информацией. Всю совокупность информации А.К. Байбуриной предложил разделять на утилитарную, предоставляющую самую поверхностную информацию (функциональное назначение, культурная и этническая принадлежность, соотносимость с исторически разными моделями культуры, уровень развития технологии) и ритуальную, с помощью которой достигается глубокое понимание идей, понятий ценностей (символизация "своего" и "чужого", маркировка границ между "своим" и "чужим"),².

¹ Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. - М.: Наука, 1985. - 29-32.

² Байбуриной А.К. Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры: сб. статей. - Л.: Наука, 1989. - с. 80.

Глава первая - "Хуннская империя и скифо-сибирский звериный стиль" состоит из двух параграфов: 1. Хунну на территории Бурятии (империя, этнос, культура) и 2. Скифо-сибирский звериный стиль, поскольку представленная работа является результатом исследования хуннской торовтики в двух направлениях: с одной стороны в общем контексте культуры хунну, с другой - как части скифо-сибирского звериного стиля, поскольку, по мнению большинства исследователей, хуннские бронзы являются реминисценцией звериного стиля скифо-сибирского культурно-исторического единства.

1. Выбрав объектом своего исследования хуннскую торовтику Бурятии, а предметом - семантику сюжетов торовтики, мы неизбежно столкнулись с необходимостью уточнения характера объекта исследования, а следовательно и четкого определения понятий *хуннский этнос (или хунну)*, *Хуннская империя и культура*, которые в специальной литературе часто взаимозаменяемы.

До сих пор в исторической науке нет единого устоявшегося мнения о том, что же стоит за понятием "хунну". С одной стороны, оно выступало в качестве *этнонима* и обозначало хунну как этническое социокультурное сообщество (=этнос). При этом следует отметить, что исследователи затрудняются с определенностью обозначить этнические, антропологические, культурные границы собственно хуннского этноса. С другой стороны, с расширением экспансии хунну, образованием Хуннской империи, где собственно хунну составляли ядро, обладавшее верховной властью, термин "хунну" стал использоваться как *политоним*. И в этом случае как в китайской, так и в западной традиции понятием "хунну" маркировалась конфедерация племен и поэтому им могли обозначаться разные народы, включенные в Хуннскую империю.

Употребляя в работе термин *хунну*, мы имеем в виду общность, сложившуюся в конце I тысячелетия до н. э. на территории Центральной и Северной Монголии, Северо-Восточного Китая и Южной Бурятии. Кроме того, учитывая динамичность этнокультурных процессов, мы ограничиваем рамки исследования временем существования *Хуннской империи* (конец III в. до н. э. - середина I в. н. э.):

Вопрос об уровне развития хуннского общества неоднократно обсуждался в специальной литературе и до сих пор остается открытым. Сложность вопроса, на наш взгляд, заключается в том, что перед нами кочевое общество, которое не нуждалось в государственных институтах для решения внутренних проблем.

Отсюда и проблемность однозначного определения общественного устройства хунну. С одной стороны, налицо признаки ранней государственности (клановый характер органов управления, неразвитость системы налогообложения, административного и судебного аппарата, правовой системы), с другой стороны, сохранение племенной организации. В своей работе мы использовали термин, введенный в научный оборот Н.Н. Крадиным, *имперская конфедерация племен*, который, на наш взгляд, наиболее точно отражает социально-политическое устройство хуннского общества - кочевая империя в форме конфедерации.

Каждый этнос располагает этническими константами, что обеспечивает его стабильность. Такой константой, предохраняющей общество от распада является *культура*. До настоящего времени в хуннологии не решена проблема происхождения хуннской культуры. Вероятно, разнообразие и полисемантичность памятников, атрибутированных как хуннские, объясняются полиэтничностью Хуннской империи. На наш взгляд, в термине "*хуннская культура*" содержится как этнический смысл, так и представления о культуре народов Хуннской империи.

Этнокультурное разнообразие Хуннской империи определяется многомерностью процесса антропо-этно-культурогенеза народов Южной Сибири, Центральной и Восточной Азии, который был связан с типологически разными группами Евразии: прежде всего с монголоидами на востоке и европеоидами на западе.

Сложность реконструкции процесса сложения культуры хунну вызвала у исследователей стремление к систематизации культуры хунну на основе археологических материалов, но пока ни один из факторов (ни способ захоронения, ни антропологический состав, ни топография памятников, ни технология изготовления бронзовых изделий) не стал критерием классификации, основанием специфики, определяющей единство этой культуры. Все эти критерии лишь подтверждают поливариантность проявления культуры Хуннской империи и невозможность выделения ведущих типов в любой из упомянутых сфер. Пока можно сказать, что культуру хунну выделяет время (конец III в. до н. э. - I в. н. э.) и место (Северная и Центральная Монголия, Северо-Восточный Китай, Южная Бурятия).

В этом контексте, говоря о культурной принадлежности предметов хуннской торевтики, мы будем пользоваться понятием *культура Хуннской империи*, ядро которой составлял хуннский этнос, но которая включала также и завоеванные народы Южной Сибири, Центральной и Восточной Азии, этно- и культурогенез которых был связан с типологически разными группами Евразии. Гетерогенность

племен, составивших Хуннскую империю, определила и гетерогенность ее культуры.

2. Широко распространенный взгляд на хуннскую торевтику как реминисценцию скифо-сибирского звериного стиля послужил основанием для раскрытия основных положений этого культурного феномена.

Скифо-сибирский звериный стиль является неотъемлемой частью культуры скифо-сибирского культурно-исторического единства, сложившегося на территории Украины, России, Казахстана, а на востоке включавшего Монголию и часть Северного Китая в конце VI - начале V вв. до н. э. и просуществовавшего в степях Евразии как историческое явление до начала II в. до н. э. Его составляли различные кочевые и оседлые племена, в материальной культуре которых прослеживается значительное сходство (предметы вооружения - мечи-акинаки, наконечники стрел; конский убор - удила со стремевидными концами, псални; оригинальные и разнообразные предметы искусства, связанные с культово-религиозными представлениями).

До сих пор среди исследователей нет согласия в вопросе о происхождении ССЗС. Многочисленные высказывания по этой проблеме можно свести к следующим двум концепциям: а) **Моноцентрическая**, которая предполагает распространение стиля из одного центра, на основе которой возникли *греческая (ионийская)* (Б.В. Фармаковский, К. Шефольд и др.), *переднеазиатская* (М.И. Артамонов, Н.Л. Членова и др.), *центральноазиатская* (А.И. Тереножкин, Э.А. Новгородова и др.) и *автохтонная* (Ф.Г. Боровка, Д.Н. Эдинг, С.В. Киселев, Б.Н. Граков, А.И. Милокова) концепции происхождения стиля; б) **Полицентрическая**, которая предполагает синхронное возникновение и развитие сходных в общих чертах культур скифо-сибирского типа из разных источников (М.П. Грязнов, И.В. Яценко, Д.С. Раевский).

Анализ различных точек зрения на происхождение скифо-сибирского звериного стиля позволяет говорить о двух вариантах его сложения. 1. Долгое время поиск прародины стиля сводился к поиску самого раннего памятника. В разное время такими являлись находки Саккызского клада в Северо-Западном Иране, могильников Тагискен и Уйгарак на Нижней Сырдарье, кургана Аржан в Туве, но спорность датировок не даст оснований определенно говорить об археологически подтвержденном центре (так, предлагаемая датировка кургана Аржан колеблется между IX и VII вв. до н. э.). 2. В настоящее время все больше исследователей придерживаются мнения о бесперспективности поисков единого центра происхождения стиля и приходят к признанию сложности процесса, аналогичного на всей

территории его распространения, при котором элементы культуры одного народа получают всеобщее распространение.

Неудовлетворенные вышеизложенным ответом на вопрос, каким образом на территории, впоследствии заселенной представителями различных рас, практически одновременно образовалось несколько центров со сходной материальной культурой, исследователи продолжают предлагать различные варианты полицентрической теории. В общем виде процесс распространения стиля можно представить следующим образом. Зарождаясь в каком-либо центре рассматриваемое культурное явление распространяется по всему скифо-сибирскому миру благодаря миграции определенных групп индоевропейцев. Постепенно входя в соприкосновение с культурой аборигенов определенной территории, стиль приобретает локальный характер. Причем необходимо заметить, что факт восприятия искусства, безусловно связанного с мировоззрением народов, говорит о близости культово-религиозных представлений, совпадений архетипа мифологического мышления. Глубокому духовному родству народов Евразии способствовали широкие миграционные движения индоиранцев, начавшиеся с середины II тысячелетия до н. э. и растянувшиеся на столетия, вовлекшая многие племена, возможно, принадлежавшие к разным расам и языкам (наиболее ярким примером, демонстрирующим возможный механизм осуществления двух вышеизложенных процессов, является тагарский вариант скифо-сибирского звериного стиля).

Выявление характерных особенностей, систематизация изображений позволили говорить о ССЗС как о самобытном культурном феномене с определенным символическим языком, понятным по всему ареалу распространения.

С накоплением материалов по конкретным археологическим культурам скифов, савроматов, саков и южно-сибирских племен параллельно накапливался археологический материал как по сходству культур скифо-сибирского мира, так и по их самобытности и наличию значительных местных вариантов. В результате исследователи пришли к выводу о наличии совокупностей памятников более низкого таксономического уровня, несомненно *локальными вариантами* т. е. при сохранении общих черт в искусстве каждого региона присутствуют элементы, определяющие его уникальность.

Названия локальных вариантов носят разный характер: этнический (*скифский, сарматский, сакский* звериный стиль), географический (локальный вариант *Прикубанья, лесостепного Причерноморья, Южного Приуралья*), зачастую локальные варианты

привязываются к археологическим культурам, распространенным на данной территории (*тагарский, қобанский, ананьинский варианты*).

Смена скифской эпохи на гунно-сарматскую (III-II вв. до н. э.) не вызвала окончательного угасания ССЗС. Свое продолжение звериный стиль скифо-сибирского культурно-исторического единства нашел в культуре Хуннской империи. Предпринятый нами историко-искусствоведческий анализ хуннской тюревтики в целом подтвердил взгляд на хуннские бронзы как на реминисценцию ССЗС (сходство сюжетов, набора образов, способа моделировки тел, наличие канонических поз, сцен геральдического характера), однако он показал и некоторые особенности, характерные для хуннских бронз (расширение персонажного кода, стремление к обособлению композиций с помощью рамок). Немногочисленность и разрозненность материалов не позволяют говорить о какой-либо единой традиции, характерной для всей территории распространения хунну, или выявить локальные особенности отдельных районов.

Вторая глава "Семантика хуннской тюревтики".

1. *Представления хуннского общества (по письменным источникам)*. Опираясь на представления о неотъемлемой связи между предметом и его изображением, с одной стороны, и мировоззрением общества, которым этот артефакт был порожден, с другой, мы приходим к очевидному выводу о том, что семантика изображений на предметах хуннской тюревтики должна найти отражение в мировоззрении социума, который в I главе мы определили как имперскую конфедерацию племен. Опираясь на письменные источники и проводя параллели с кочевыми культурами народов Центральной Азии, мы выделили несколько положений, характеризующих основные представления хуннского общества:

1. Мировоззренческая основа хуннского социума соответствует общим представлениям народов Центральной Азии. Главными объектами поклонения для хунну были Небо и Земля, а также Солнце и Луна, поскольку именно с ними было связано божественное происхождение правящего рода, что в свою очередь предусматривало наделение правителя небесной благодатью.

2. Хуннская картина мироздания нашла свое отражение в территориальном делении и соответственно в социальной и военно-административной системе. Наблюдается следующее деление территории, подвластной хунну: 1) на центр, восточную (левую) и западную (правую) части, в соответствии с этим существовали и должности (левый сянь-ван, правый сянь-ван и т.д.); 2) на север, юг, запад, восток (деление коницы по сторонам света с использованием цветового кода); 3) на внутреннюю и внешнюю части, а

соответственно на “свое” и “чужое” (существование подобного деления очевидно, поскольку существовали границы империи, а по некоторым источникам даже карта территории хунну).

3. Еще раз подтвердилось положение о тесной связи власти с религиозными представлениями, об ответственности власти за целостность и стабильность в обществе как едином социальном организме.

2. *Семантика пояса.* Подавляющее большинство предметов хуннской торевтики являются элементами наборного пояса кочевников. В связи с этим представляется важным рассмотреть семантику пояса, в частности, информационный аспект его функционирования. Высокий семантический статус пояса определяется следующими его функциями: пояс а) как маркер горизонтального и вертикального пространства модели Вселенной; б) как фиксатор “своего”; в) как граница между телом (микрокосмом) и миром (макрокосмом), отделяя “свой” сакрализованный мир от “чужого”; г) как атрибут фиксации изменения социального статуса (переход из одной возрастной группы в другую, посвящение в воины, переход в иной мир); д) как атрибут власти; е) как родовой маркер.

Выполнение поясом столь важных функций обеспечивается наличием субстанции, которая может быть определена как жизненная сила, сакральность, харизма; двойник и др. (в зависимости от позиции исследователя).

Усилить эффект сакральности, заключенной в поясе, призваны были изображения на нем. Ярким примером наделения поясов особой силой являются поясные пластины-пряжки хунну с разнообразными изображенными животными.

3. *Семантика изображений хуннской торевтики.* В ходе исследования мы разделили весь материал на 5 групп. В основе деления лежит сходство изобразительного сюжета или присутствие одного образа в разных композиционных схемах.

3.1. Предметы с изображением голов животных.

Изображение наиболее характерных частей тела животного как замена целого - характерная черта скифо-сибирского звериного стиля, но наше внимание привлекло совмещение изображения (*головы* животных) и формы (*круг, лировидная форма*). На наш взгляд, голова животного вписанная в круг выступает в качестве модели вселенной, где круг выступает в качестве знака Земли, голова животного маркирует центр, а его четыре лапы - четыре стороны света. Распространение в культуре пряжек лировидной формы с вписанными в них головами быков мы склонны связывать с проникновением с запада на восток представлений о Небе и Солнце. Причем, форма пряжки - прямая линия с опирающейся на нее дугой (= лук) - моделирует все-

ленную (Земля - Небо), где Небо выражается дугой, а Солнце, как правило, маркируется или животным с солнечной символикой, или головой, вписанными в эту дугу, что подтверждает архетипичность этого иконографического образа.

3.2. Предметы с одиночными изображениями животных с повернутой назад головой.

В этой группе предметов торевтики так же обращают на себя внимание два момента: их четырехугольная форма (квадрат, ромб, прямоугольник = знаки Земли) и животные, на них изображенные (олень, козел = символы Солнца). Кажется, объяснить подобное совмещение можно встречей двух культур: культуры, где обожествлялось Солнце, и культуры, где сохранял актуальность культ Земли, и сохранением в мифологии представлений о связи Солнца не с Небом, а с Землей и, соответственно, о порождении Солнца Землей.

3.3. Предметы с изображением коня.

Материалы погребений свидетельствуют о важной роли коня в культуре хунну, об этом же говорят многочисленные изображения этого животного. В нашей коллекции представлены три композиции с изображением коня: "крылатый" конь (а), сцена борьбы двух коней (б), бегущий конь (в). а. Семантический анализ предмета треугольной формы, образованного сочетанием трех полуколец, внутри которых помещена фигурка "крылатой" лошади, в которой, с одной стороны, выделяются верх - низ, с другой стороны, форма изделия - треугольник, как и утробная поза коня позволяют предположить, что в ней преобладает идея культа Земли, все порождающей. б. Изучая семантику сюжета противоборства двух коней в хуннской торевтике, мы пришли к выводу, что за ним можно видеть не только конкретный миф, но и общую идею борьбы как средства возрождения мира, которая нашла отражение в обрядах, посвященных началу года. в. Полисемантическая природа образа коня затрудняет решение вопроса о значении единичного изображения. Тем не менее привлекает внимание поза животного, называемая исследователями "ханьским бегом".

3.4. Предметы с изображением дракона.

На основе мифологических представлений, связанных с образом дракона, мы предположили, что изображения драконов могли быть связаны с а) представлениями о змее как о радуге, о мировом древе, символе линейности времени (изображения змей в виде волнообразных полос); б) воплощением основного закона мифологической диалектики - необходимости борьбы двух начал,

достижения гармонии через хаос распад и смерть (сцена борьбы двух драконов); в) идеей весеннего возрождения природы (сцена терзания); г) представлением о драконе как знаке земли-воды (одиночные изображения дракона); д) идеей священного брака (дракон и черепахи). Отсутствие в хуннской торевтике образа крылатого дракона позволяет предположить, что он был маркером-низа.

3.5. Предметы с изображением сцены терзания.

Широко распространенная в торевтике хунну сцена терзания могла отражать представления а) о необходимости уничтожения одного существа другим ради продолжения жизни; б) о существовании добра благодаря тому, что существует зло и стремлении человека "уравновесить энергии созидания и разрушения"¹; в) о необходимости смерти как "непременного условия продолжения жизни"². Исходя из социально-политической структуры кочевников, можно предположить, что в значении тотемов животные способны были моделировать социальное пространство: а) взаимобрачные роды; б) старший (победитель) - младший (побежденный) в одной социально-политической общности; в) центр - два крыла.

Высказывая подобные предположения, мы приходим к выводу о наличии в хуннской культуре бинарной и тернарной модели мира, каждая из которых призвана гармонизировать социальное пространство. А в связи с гетерогенностью хуннского племенного союза наличие в одной культуре диад и триад кажется вполне возможным.

Анализ сюжетов и их семантики показал полисемантическую знаков культуру народов Хуннской империи и неоднородность традиционного мировоззрения, в котором представлены следующие культурные традиции:

1. Универсальные, свойственные всему человечеству представления о множественности душ, животных-предках, борьбе противоположностей, смерти как необходимого компонента жизни и т. д.

2. Индоиранская мифологическая традиция, элементами которой был насыщен скифо-сибирский мир, а вслед за ним и хуннская культура, что выразилось в распространении аналогичных сюжетов (сцен терзания животных, сцен борьбы), появлении солярной символики.

¹ Элиаде М. Космос и история. - М.: Прогресс, 1987. - с. 212.

² Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. - М., 1985. - с. 153.

3. Китайская традиция, под воздействием которой активно использовался образ дракона.

4. Автохтонный компонент, с которым связаны скорее всего одиночные изображения бегущих лошадей, фигурки стоящих животных, изображения голов животных заключенных в круг.

Можно говорить о хуннской торовтике как примере этнокультурного синкретизма, в котором отразились сложные механизмы этнического взаимодействия, семантический анализ предметов хуннской торовтики позволяет выделить несколько мировоззренческих архетипов в персонажном коде культуры того социально-политического образования, который известен как Хуннская империя.

Анализ иконографии изучаемых артефактов показал отражение в торовтике разновременных и разнолокальных выражений даже одних и тех же представлений, что касается прежде всего различной символизации культа Земли.

В Заключении излагаются основные выводы исследования:

1. Хуннская торовтика является частью культуры народов Хуннской империи (конец III в. до н. э. - I в. н. э., Северная и Центральная Монголия, Северо-Восточный Китай, Южная Бурятия).

2. Историко-искусствоведческий анализ предметов скифо-сибирского звериного стиля и хуннской торовтики позволяет говорить о сходстве этих культурных явлений и выявить некоторые особенности, характерные для хуннских бронз.

3. Мировоззренческая основа хуннского социума соответствует общим представлениям народов Центральной Азии.

4. Анализ семантики хуннской торовтики Бурятии позволяет говорить о предмете нашего исследования как примере этнокультурного синкретизма, что объясняется гетерогенностью племен, составивших хуннскую конфедерацию. В ходе исследования было выявлено несколько компонентов хуннского мировоззрения, нашедших отражение в торовтике (универсальный, индоиранский, китайский и автохтонный) и несколько мировоззренческих архетипов.

В Приложении 1 представлен полный каталог предметов с зооморфными изображениями, найденных в хуннских погребениях Бурятии и хранящихся в музеях республики (в музее БНЦ СО РАН, Кяхтинском краеведческом музее им. академика В.А. Обручева, музее истории им. М.Н. Хангалова).

В Приложении 2 представлены таблицы расположения предметов в могилах Дырестуйского и Иволгинского могильников, содержащих предметы с изображением животных.

Список опубликованных работ:

1. К вопросу об экологических воззрениях хунну// Проблемы развития музеев под открытым небом в современных условиях: Тез. докл. / Междунар. науч. конф., посвящ. 15-летию АЭМ "Тальцы". - Иркутск: 1995. - с. 66-68.

2. Стилистические особенности хуннской торевтики // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока: Тез. докл./ РАСК XXXVI/- Иркутск: ИГУ, 1996. - Ч. 2. - с. 96-98.

3. Семантика пояса// Гуманитарные исследования молодых ученых Бурятии. Вып. 2. - Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1999. - Ч. 1. - С. 36-40.

4. Скифо-сибирский звериный стиль (проблемы исследования)// Молодая археология и этнология Сибири: доклады РАЭСК XXXIX/ Забайкальский ГПУ. - Чита, 1999. - Ч.1. - С. 115-117.

5. Сцена терзания в хуннской торевтике// Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии: доклады РАЭСК XXXX/ ИГУ. - Новосибирск, 2000. - Т.1. - С. 175-176.

Брад

Подписано в печать 20.04.2000 г. Формат 60x84 1/16.
Бумага писчая. Гарнигура Таймс.
Объем 1 печ. л. Тираж 100. Заказ № 65.

Отпечатано в типографии Изд-ва БНЦ СО РАН
670047 г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6.